

Асгар Абдыкалыр

The book cover features a vibrant blue background with dynamic, swirling light patterns. In the center, there is a silhouette of a man and a woman in profile, facing each other. Above them is a sun with rays, and below them is a silhouette of a tree. The overall composition is artistic and evocative.

АДАМ-АТА И ОБО-ЭНЕ

БИШКЕК - 2026

А. Бекбоев (Аскар Абдыкадыр)

АДАМ-АТА и ОБО-ЭНЕ

БИШКЕК – 2026

**Национальная академия наук Кыргызской Республики
Институт философии им. академика А. А. Алтмышбаева**

УДК 1/14:572

ББК 87.52

А40

Книга рекомендована к печати решением Учёного совета Института философии имени академика А. А. Алтмышбаева НАН при Президенте КР.

Специальный редактор: Газиз Телебаев, доктор философских наук, проф. КазНУ им. аль-Фараби

1. З. А. Алымкулов, доктор философских наук, ИФ, НАН при Президенте КР

2. К. А. Исаков, доктор философских наук, профессор ОшГУ

3. А.К. Бабашов, доктор философских наук, ИФ, НАН при Президенте КР

Тех.редактор Тазагуль Эргешова. ИФ, НАН при Президенте КР

А. Бекбоев (Аскар Абдыкадыр)

А13 АДАМ-АТА И ОБО-ЭНЕ

**Экзистенциальный роман-притча о судьбе человечества –
Б.: 2026. – 76стр.**

ISBN 978-9967-9479-7-5

Аннотация. «Адам-ата и Обо-эне» — экзистенциальный роман-притча о судьбе человечества в эпоху ускорения, контроля и технологической рациональности. Через философские образы и притчевое повествование книга исследует границу, за которой человек рискует утратить собственную человечность. Это размышление о мере, ответственности и смысле — о том, сохранится ли человек как человеческий в мире, который он сам создал.

УДК 1/14:572

ББК 87.52

ISBN 978-9967-9479-7-5

© А.Бекбоев (Аскар Абдыкадыр)

АДАМ-АТА И ОБО-ЭНЕ Экзистенциальный роман-притча о судьбе человечества

Авторская ремарка

Эта книга не предлагает ответов. Она пытается удержать вопрос.

Её герои — не люди в привычном смысле, а формы человеческого присутствия в мире.

Адам-ата и Обо-эне — не прошлое и не миф. Это память о начале, с которой человек всё ещё может сравнить самого себя.

«Адам-ата и Обо-эне» — экзистенциальный роман-притча о судьбе человечества в мире, где скорость, контроль и технологическая рациональность всё чаще подменяют смысл, ответственность и человеческое присутствие.

Книга не строится на традиционном сюжете. Её пространство — путь сознания, постепенно приближающегося к пределу: от повседневной среды современного мира к фундаментальным вопросам бытия.

Через притчевые сцены, философские размышления и символические образы текст исследует незаметные процессы, в которых человек может утратить собственную человечность — не через внезапную катастрофу, а через постепенное рассеивание смысла, памяти и меры.

Драма этой книги разворачивается не между персонажами в обычном литературном смысле. Она возникает между различными способами существования: между присутствием и функцией, смыслом и скоростью, ответственностью и делегированием. Поэтому части книги названы не событиями, а состояниями.

Туман — это мир, в котором человек живёт, не замечая его структуры.

Повседневность, привычка и норма образуют среду, в которой всё кажется естественным и почти не подвергается сомнению.

Стражи — это формы удержания мира.

Контроль, безопасность и порядок возникают из стремления защитить жизнь и избежать хаоса, но постепенно сами начинают определять границы человеческого существования.

Бег — это ускорение цивилизации.

Мир начинает двигаться быстрее, чем человек успевает осмыслить происходящее, и скорость постепенно подменяет смысл.

Страх — это скрытая основа всего происходящего.

Страх неопределённости, потери контроля и ответственности становится невидимой атмосферой эпохи.

Так роман постепенно приближается к главному вопросу: сохранится ли человек как человеческий в мире, который он сам создал.

Эта книга не пытается вынести приговор и не стремится предложить готовое решение. Она лишь удерживает пространство, в котором вопрос может быть услышан.

Если в ходе чтения возникает мгновение внутренней ясности — значит, текст достиг своего назначения.

Пролог

До всего торжествовал Хаос.

Он не был ни тьмой, ни светом. Он не знал ни покоя, ни направления.

В нём всё стремилось быть сразу всем — и потому не становилось ничем.

Хаотическое движение разрушало всё. Оно не терпело формы и не признавало удержания.

Всякое возникновение тут же разрывалось. Всякая собранность рассыпалась, не успев стать собой.

Мир пребывал в состоянии бушующего Хаоса.

Силы сталкивались, не узнавая друг друга. Направления не существовало, потому что не было точки, к которой можно было бы вернуться.

Ничто не длилось. Ничто не повторялось. Ничто не оставляло следа.

Разрушение не было событием — оно было состоянием.

И всё же в самом этом беспредельном разлёте однажды — без причины и без замысла — внутри самого Хаоса возник внутренний импульс.

Не удар и не толчок.

Скорее — искра, почти неразличимая в бушующем движении.

Хаотический мир на мгновение сам удержал себя.

Он не остановился — и упорядочился.

Эта пауза длилась не дольше дыхания.

Но именно в ней, в беспредельном движении, обозначился туманный образ.

Так возник Туманный Образ Мудреца — не рождённый извне и не сотворённый, а сложившийся из самого Хаоса, который впервые не разрушил себя.

Он не отделился от мира и не встал над ним.

Он был тем кратким удерживанием, в котором движение впервые не обратилось в уничтожение.

Он не действовал и не направлял.

Он не говорил и не запрещал.

Он просто был — и этого оказалось достаточно.

Хаос не исчез.

Он продолжал бушевать.

Но отныне в самом его разлёте появился предел, к которому всё возвращалось, не зная почему.

И когда удерживание стало возможным без образа, туманный силуэт перестал быть различим.

То, что прежде собиралось в образ, растворилось в самом устройстве мира.

Мудрец перестал быть тем, что можно было увидеть, и стал тем, через что всё происходило.

В этом растворении силуэт Мудреца обрёл новую форму.

Он больше не являлся как образ, но и не исчез как присутствие.

Он перестал быть видимым и стал действительным — в каждом движении, в каждой границе, в каждом возвращении следствия к причине.

Так Мудрец преобразовался в Нус.

Нус не был разумом и не был голосом.

Он был тем, через что движение узнавало предел, а нарушение — отклик.

С этого мгновения происходящее начало говорить само о себе —

через меру, через границу, через неизбежность следствий.

Имя этому удерживанию было — Нус.

Именно через Нус стало возможным повествование о мире: не как рассказ свидетеля и не как память образа, а как последовательность того, что неизбежно следовало одно из другого.

Дальнейшее происходило и излагалось устами Нуса — не словом и не речью, а самим ходом вещей, в котором причина всегда находила своё следствие.

Когда Хаос утратил свою беспредельность, мир стал пригоден для жизни.

И тогда в нём появились Адам-ата и Обо-эне.

Они вошли в уже удержанный мир, не зная, какой ценой он был обрётён.

Им казалось, что равновесие — естественно, а целостность — данность.

Они ещё не знали, что мера может быть нарушена.

И что за это всегда приходится платить.

ЧАСТЬ I. ТУМАН

Глава первая. До слова

С этого мгновения происходящее становилось различимым не через взгляд человека и не через память образа.

Мир разворачивался через то удерживание, которое делало его возможным. Это удерживание было названо Нусом. Так начинался его рассказ об Адам-ата и Обо-эне.

Дальнейшие события, изложенные в этой книге, звучали не как человеческая речь и не как пересказ произошедшего. Они были услышаны из уст самого Нуса — тихо, без спешки, так, как раскрывается порядок вещей, когда ничто больше не требует объяснения.

Адам-ата и Обо-эне появились в мире, который уже был удержан. Он не требовал от них усилия и не ставил перед ними задачи.

Мир принимал их присутствие так же естественно, как утро принимает свет и полдень — тень. Они не входили в него — они оказывались в нём. Не как пришедшие и не как гости, а как продолжение того, что уже длилось. Между шагом и землёй не возникало сопротивления.

Земля принимала стопу раньше, чем та осознавала движение.

Между взглядом и небом не существовало высоты: небо не тянуло вверх и не давило своей широтой. Оно просто было — как продолжение взгляда.

Мир не предъявлял себя. Он не нуждался во внимании и не ожидал подтверждения.

В нём не было скрытого и не было лишнего. Каждая вещь находилась там, где ей было место, и потому не требовала различения.

Адам-ата и Обо-эне не называли вещей. Не потому, что не умели, а потому, что имя возникает там, где появляется расстояние. Здесь же всё было слишком близко, чтобы быть отделённым словом.

Дерево не отличалось от дерева.

Вода не противопоставлялась земле.

Свет не спорил с тенью.

Ничто не стремилось стать больше, чем оно есть. И потому ничто не выходило за предел.

В этом мире не существовало «раньше» и «позже».

Время текло, но не собиралось.

Каждое мгновение было достаточным само по себе.

Адам-ата делал шаг — и шаг не отличался от покоя.

Обо-эне протягивала руку — и движение не отделялось от прикосновения.

Мир не отвечал сопротивлением, и потому человек не ощущал себя действующим.

Так длится жизнь, в которой мера не осознаётся, потому что не нарушается.

И всё же даже в этой цельности уже присутствовала возможность иного — не как разрыв, а как тень будущего различия.

Иногда мир словно задерживал дыхание. Не потому, что что-то происходило, а потому, что могло произойти. Это знание ещё не имело формы. Но именно оно делало возможным следующий шаг.

Глава вторая. Имя

Различие не возникло внезапно. Оно долго оставалось незаметным — так же, как остаётся незаметным смещение тени при медленном движении солнца.

Мир продолжал быть цельным.

Мера по-прежнему удерживала всё. Но то, что прежде совпадало без остатка, теперь могло быть различено. Имя появилось не как решение и не как намерение. Оно возникло почти случайно — как звук, совпавший с тем, что уже задерживало взгляд.

Адам-ата произнёс его, не отделяя себя от мира.

Он не стремился назвать — он лишь обозначил то, что стало различимым.

Звук был прост. Он не подчинял и не утверждал. Он не нарушал меры.

Но он создал расстояние. В тот миг мир отступил на едва заметный шаг.

Не как утрата и не как отказ, а как возможность быть увиденным иначе.

Обо-эне услышала имя и поняла, что изменился не мир, а способ быть в нём. Имя не разрушило целостность. Но оно впервые обозначило границу между присутствием и обозначением. С этого мгновения между вещью и её бытием возник зазор. Небольшой. Почти невидимый. Но именно в нём становился возможен выбор.

Имя не было запретом. Оно не было знанием. Оно было первым знаком того, что знание может возникнуть. Мера не была нарушена. Нус не отступал. Но граница

стала различимой. И всё, что следовало дальше, могло следовать только потому, что имя однажды было произнесено.

Глава третья. Взгляд

Граница не двигалась. Она оставалась там, где была всегда. Но после того, как человек её заметил, она стала частью взгляда. Так возникает перемена, которую нельзя увидеть со стороны: мир остаётся прежним, а взгляд становится другим.

Адам-ата сначала проходил мимо. Он подходил близко и уходил, не делая шага дальше. Не потому, что боялся, а потому, что движение ещё не стало решением. Обо-эне тоже видела границу. Но видела её иначе. Не как линию, а как место, в котором мир молчит иначе, чем везде. День за днём они возвращались туда, как возвращаются к тени, которую однажды заметили и уже не могут забыть.

И однажды Адам-ата остановился не рядом с границей, а напротив неё — как напротив вопроса. Он стоял долго. Мир не менялся. Нус не нарушал меры. Но взгляд Адам-ата уже не был взглядом присутствия. Он стал взглядом сравнения. Так появляется первое «почему» — ещё не произнесённое, но уже живущее.

В этот момент Обо-эне подошла ближе. Она не спросила. Но по её молчанию стало ясно: граница больше не просто существует. Она начинает требовать ответа. Они смотрели туда, где мир продолжался, но не для них.

Не потому, что им запретили, а потому, что им открылась возможность сказать себе: «там — иначе». И это слово — «иначе» — оказалось первым соблазном. Ещё до всякого плода, ещё до всякого знания. Граница не

притягивает сама. Притягивает взгляд, который сделал её предметом.

Человек долго смотрит и начинает различать то, чего раньше не было: не в мире — в собственном отношении. И именно там, в глубине отношения, рождается желание.

Обо-эне первой заметила, что у взгляда есть вес. Она увидела, как взгляд Адам-ата становится настоящим. Не в форме действия, а в форме возвращения.

Он приходил туда вновь и вновь, словно пытался привыкнуть к самой мысли, что есть предел, который можно переступить.

И в этом повторении появлялась новая сила: не сила движения, а сила представления. То, что можно представить, уже наполовину происходит.

Обо-эне иногда отводила взгляд. Не потому, что не хотела видеть, а потому, что чувствовала: взгляд способен сделать мир иным, даже если мир не меняется.

Но Адам-ата уже не мог отвести взгляд. Он стоял и смотрел. И в этом смотре он начинал отделять себя от того, что видел.

Так мир впервые стал предметом. До этого мир был средой. Теперь он стал тем, что можно измерять взглядом. А когда мир измеряют взглядом, внутри человека возникает оценка. Пока ещё без слов. Пока ещё без мысли. Но оценка уже присутствует как движение внутрь: «это — ближе», «это — важнее», «это — не так, как всё остальное». Обо-эне смотрела на Адам-ата и понимала, что граница приближается не к ним — они приближаются к ней. Не ногами. Взглядом. И именно поэтому всё становится опасным: нельзя удержать взгляд так, как удерживают руку. Рука послушна. Взгляд — нет. Однажды Адам-ата сделал шаг. Не за границу. Пока ещё нет. Он сделал

шаг к самому месту, где молчание мира становилось плотнее.

И остановился так близко, что дальнейшее движение уже могло быть только решением.

Обо-эне стояла рядом. Она не удерживала его. Потому что удержание не отменяет возможности. Оно лишь делает её явной. Они смотрели туда, где «иначе» становилось почти ощутимым. И в этом взгляде впервые возникло то, что потом будет называться притяжением запретного. Не потому, что оно запретно, а потому, что оно по ту сторону границы, которую человек уже увидел. Так заканчивается мир, в котором граница была просто границей. И начинается мир, в котором граница становится предметом желания. И всё, что следовало дальше, становилось возможным не из-за шага, а из-за взгляда, который больше не умел быть невинным.

Глава четвёртая. Плод

Плод не появился внезапно.

Он был здесь всегда — как была здесь земля, как был здесь свет, как была здесь тень. Но до этого он не выделялся. Он не притягивал и не обещал. Он просто находился в своём месте, не требуя внимания. Пока взгляд не сделал его единственным.

Так происходит с любой вещью: она становится иной не тогда, когда меняется сама, а тогда, когда к ней возвращаются снова и снова.

Адам-ата заметил плод не потому, что искал его. Он заметил его потому, что взгляд, уже привыкший к границе, искал форму для своего напряжения. Плод был целым. Он не распадался и не выделялся из мира. Он не сиял и не звал.

Но в нём удивительным образом совпали форма и доступность.

Он был достаточно близко, чтобы быть видимым, и достаточно отделён, чтобы быть желаемым. Обо-эне увидела это сразу.

Она почувствовала, как взгляд Адам-ата останавливается дольше обычного.

Не из жадности и не из голода, а из ожидания. Плод стал первым, что можно было представить как «взятое». До этого в мире не было взятых вещей.

Всё находилось в присутствии, но ничто не присваивалось. Теперь же впервые возникла мысль, которая ещё не была словом: это можно взять. Эта мысль не была нарушением. Она не шла против меры. Она лишь обозначала возможность выйти за предел не шагом, а жестом. Плод не обещал знания. Он не сулил силы. Он не обещал стать иным. Но в нём содержалась возможность узнать мир через присвоение.

Обо-эне приблизилась первой. Не потому, что желала сильнее, а потому, что чувствовала точнее. Она видела, что плод уже перестал быть просто частью мира. Он стал точкой, в которой мир можно было проверить. Она остановилась. Потому что остановка ещё сохраняла целостность. Она знала: взять — значит изменить не вещь, а себя.

Адам-ата стоял чуть позади. Он смотрел и представлял. Он не протягивал руку. Но представление уже совершало половину действия. Плод оставался неподвижным.

Мера не отступала. Нус не усиливался и не ослабевал. Мир не подталкивал и не держивал. Но в человеке уже произошло то, чего не было прежде: он увидел вещь как возможность изменения. Плод стал первым объектом, в

котором желание обрело форму. До этого желание было направлением. Теперь оно стало намерением.

Обо-эне опустила руку. Не из страха, а из понимания. Она знала: плод ничего не даст сразу. Он лишь переместит границу внутрь человека.

Адам-ата сделал шаг вперёд. Не потому, что решил, а потому, что возможность уже стала частью его взгляда. И в этот миг мир ещё можно было оставить прежним. Но именно потому, что это было возможно, следующий шаг становился неизбежным.

Плод оставался на своём месте. Но мир уже не был прежним. Потому что желание обрело форму.

Глава пятая. Знание

Знание не пришло как вспышка. Оно не обрушилось и не ослепило. Оно возникло так же тихо, как возникает понимание, которое уже нельзя отменить.

Рука Адам-ата коснулась плода без спешки. В этом движении не было дерзости и не было торжества. Оно было слишком простым, чтобы показаться решением. Плод был тёплым. Он не сопротивлялся и не отступал.

Он остался тем, чем был всегда. Но в тот миг, когда плод перестал принадлежать миру и оказался в руке человека, мир утратил целостность. Не вокруг — внутри.

Обо-эне смотрела молча. Она не остановила его. Потому что остановка уже ничего не меняла. Знание возникает не в действии, а в понимании того, что действие состоялось. Первый вкус не был особенным. Он не открыл тайны и не принёс силы. Он был обычным. И именно в этой обычности скрывалось непоправимое. Потому что теперь человек знал: мир можно взять и удержать. Знание не добавило миру смысла. Оно добавило различие.

Всё осталось на своих местах — деревья, свет, вода, земля. Но между человеком и тем, что его окружало, появился слой, которого прежде не существовало.

Этот слой не был мыслью. Он не был словом. Он был пониманием: я — здесь, а мир — там. Так впервые человек увидел себя отделённым. Не изгнанным. Не наказанным. А выделенным. Обо-эне почувствовала это раньше, чем смогла бы объяснить. Она ощутила, как мир перестаёт быть продолжением тела и становится тем, на что можно смотреть со стороны. Знание открыло глаза — не к миру, а к себе.

Адам-ата увидел свои руки не как движение, а как форму. Он увидел своё тело не как присутствие, а как очертание. Он увидел Обо-эне не как часть мира, а как другую.

Это было не откровение. Это было разделение. И именно в этом разделении знание стало необратимым. Мир не отступил. Мера не исчезла. Нус не был нарушен. Но то, что раньше удерживало человека извне, теперь начало действовать внутри него.

Знание не дало свободы. Оно дало ответственность. Потому что теперь каждый шаг уже не совпадал с миром автоматически. Он требовал соотнесения, выбора, внутреннего отклика.

Обо-эне опустила взгляд. Не от стыда — он ещё не родился. А от понимания, что целостность невозможно вернуть движением назад.

Адам-ата стоял неподвижно. Он ещё не знал, что будет дальше. Но он уже знал, что «дальше» существует. Так знание вошло в человека — не как дар и не как проклятие, а как граница, перенесённая внутрь.

И с этого мгновения человек больше не мог быть в мире так, как был прежде.

Глава шестая. Стыд

Стыд возник не сразу. После знания наступила тишина. Не та тишина, в которой мир совпадает с человеком, а иная — в которой человек остаётся с собой.

Мир продолжал быть открытым. Свет не изменился. Земля принимала шаг. Воздух не стал плотнее.

Но теперь присутствие не было прозрачным.

Адам-ата впервые почувствовал собственное тело как границу. Не как движение и не как силу, а как очертание, которое можно увидеть со стороны. Он не знал, что именно изменилось. Но он знал, что не всё может быть показано.

Обо-эне ощутила это иначе. Она не смотрела на себя — она почувствовала, что может быть увидена. Не миром, а другим человеком.

Так возникло новое расстояние — не между человеком и миром, а между человеком и человеком.

Стыд не был страхом. Он не требовал бегства. Он не говорил о наказании.

Он говорил о видимости. Человек впервые узнал, что он может быть объектом взгляда.

И этот взгляд больше не был нейтральным.

Адам-ата поймал себя на желании закрыться. Не от холода и не от опасности, а от понимания, что его присутствие больше не совпадает с самим собой.

Обо-эне опустила глаза. Не потому, что хотела скрыться, а потому, что взгляд стал тяжёлым. Так возникает стыд: когда взгляд перестаёт быть просто видением и становится оценкой. Они не говорили об этом. Слова ещё не умели называть внутреннее.

Но жесты уже знали. Руки искали укрытие. Движения становились осторожными.

Покой утрачивал простоту. Мир не требовал этого. Нус не накладывал меры.

Стыд родился не извне. Он возник из знания, которое повернулось внутрь. До этого человек был в мире. Теперь он был ещё и перед собой. Стыд не отнимал достоинства. Он его создавал. Потому что только тот, кто способен увидеть себя как другого, может удержать границу внутри.

Обо-эне поняла это раньше. Она почувствовала, что укрытие — не защита от мира, а защита отношения.

Адам-ата следовал за этим движением, не понимая его до конца, но принимая как необходимость. Так человек впервые сокрыл себя — не потому, что стал плохим, а потому, что стал видимым.

Стыд не разрушил связь. Он сделал её хрупкой. И в этой хрупкости родилось то, что позже будет называться ответственностью. Потому что отныне каждый жест и каждый взгляд могли ранить или сохранить. Так завершился этап, в котором человек узнал себя не только как действующего, но и как видимого. И это знание уже нельзя было отложить.

Глава седьмая. Ответ

Вопрос не прозвучал сразу. После стыда мир будто остановился — не внешне, внутри человека. Не было грома, не было знака, не было угрозы. Было ожидание, которое нельзя было отнести ни к миру, ни к себе.

Адам-ата почувствовал это первым. Он ощутил, что знание и стыд недостаточны сами по себе. Что теперь нужно не действие и не укрытие, а отклик.

Обо-эне стояла рядом. Она не искала слов. Потому что слова ещё не умели вмещать происходящее. Но она

знала: молчать дальше — уже тоже ответ. И тогда возникло обращение. Оно не было голосом, который звучит извне. Оно не нарушило тишину и не заполнило пространство. Оно возникло самой способности человека быть услышанным.

Вопрос не требовал оправдания. Он не искал виновного. Он был простым и потому неизбежным.

Где ты? Этот вопрос не указывал на место. Он указывал на состояние. Он не искал человека в мире. Он искал его в самом себе.

Адам-ата понял это сразу. Не разумом — ощущением. Он понял, что больше не может быть там, где был прежде. И не может вернуться без изменения. Он вышел навстречу вопросу. Не шагом, а признанием. Он не сказал о поступке. Он не назвал причины. Он сказал о состоянии — о том, что почувствовал себя иначе. И в этом уже содержался ответ.

Обо-эне услышала вопрос по-другому. Для неё он был обращением к отношению.

Не «где ты», а «с кем ты». И она ответила не словом, а присутствием. Ответ не был точным. Он не совпал с вопросом полностью. Но он был честным. И этого казалось достаточно. Потому что ответ не восстанавливает утраченную целостность. Он устанавливает новую форму связи. Мир не изменился. Мера осталась мерой. Нус не отступил. Но теперь человек впервые вошёл в диалог с тем, что удерживает мир.

Ответ не снял последствий. Он сделал их осмысленными. С этого мгновения человек уже не мог сказать: «я не знал». Он мог сказать только: «я отвечаю». Так вопрос вошёл в историю не как обвинение, а как начало ответственности. И всё, что следовало дальше, становилось не наказанием, а следствием данного ответа.

Глава восьмая. Уход

Уход не был приказом. Никто не указал путь и не назвал направления.

Не было жеста, который отталкивает. Не было слова, которое закрывает. Просто стало ясно: остаться — значит притвориться прежним. Мир оставался тем же. Деревья не изменили формы. Свет по-прежнему ложился на землю. Вода текла, не зная о свершившемся. Но то, что удерживало человека без усилия, теперь требовало соответствия.

Адам-ата сделал шаг не потому, что его вели. А потому, что понял: каждый шаг назад будет ложью. Он оглянулся. Не с тоской и не с надеждой. Он увидел место, где был целым. И понял, что целостность нельзя вернуть одним движением.

Обо-эне шла рядом. Она чувствовала, что уход — не утрата мира, а утрата способа быть в нём. Они не покидали дом. Дом перестал быть их формой жизни. Так расхождение становится неизбежным: не потому, что мир отвергает человека, а потому, что человек стал другим.

Уход не был резким. Он происходил постепенно — как исчезает совпадение между шагом и землёй, между дыханием и пространством. Каждое движение теперь требовало усилия. Земля принимала стопу чуть медленнее. Воздух стал плотнее.

Время начало собираться в последовательность. Так мир впервые оказался сопротивляющимся. Не враждебным — чуждым.

Адам-ата понял, что путь больше не даётся. Его нужно выбирать.

Обо-эне почувствовала, что рядом больше нет той лёгкости, в которой движение не отличалось от покоя. Уход не сопровождался страхом. Страх появится позже.

Сейчас было только знание о невозможности возврата. Потому что возвращаются туда, где ты всё ещё совпадаешь с местом. Здесь же совпадение было утрачено. Мир не закрылся. Он просто перестал быть естественным продолжением. Нус не удерживал и не отталкивал. Он оставался тем, через что следствие следует за действием.

Уход стал следствием данного ответа. И когда они сделали последний шаг, который ещё не был выбором, мир остался позади не как утраченный, а как сохранённый в памяти. Так человек впервые вышел в историю. Не изгнанный. Не наказанный. А **отделённый**. И это отделение стало началом другого пути — пути, где мера больше не поддерживает извне, а должна быть удержана внутри.

Глава девятая. Память

Память возникла не как воспоминание. Она не возвращала образ и не удерживала картину. Она не пыталась сохранить то, что уже не могло быть возвращено. Память возникла как форма присутствия того, что больше не находилось снаружи. Когда Адам-ата и Обо-эне оказались вне прежнего мира, они не сразу это поняли. Сначала было движение. Потом — усталость. И только затем — осознание, что мир больше не держит их без усилия. Они не оглядывались постоянно. Память не тянет назад. Она удерживает внутри то, без чего невозможно идти вперёд. Мир, который остался позади, не исчез. Он продолжал быть тем, чем был всегда. Но теперь он существовал не как среда, а как **мера**.

Адам-ата шёл молча. В его движениях появилась осторожность — не страх, а внимательность. Каждый шаг он соотносил не с землёй, а с собой. Обо-эне несла другое знание.

Она чувствовала: мир больше не подсказывает, как быть. Он лишь отвечает на то, как они действуют. Так возникла **память меры**. Это была не мысль и не правило.

Это было внутреннее ощущение: если сделать так — мир откликнется иначе. До этого мера удерживала человека извне. Теперь она жила внутри. Как тихий ориентир, который нельзя переложить на другого. Нус не исчез. Он перестал быть условием мира и стал условием человека. Не голосом. Не законом. А тем, через что человек узнаёт последствия раньше, чем они становятся необратимыми. Память не утешала. Но она делала путь возможным.

Потому что идти без памяти меры — значит снова искать границу снаружи.

Так память стала началом ответственного движения. Мир больше не обещал совпадения. Но он сохранял возможность диалога. И в этом диалоге человек уже не мог спрятаться за незнание. Память удерживала не прошлое, а **меру будущего**.

Так завершалась часть пути, в которой человек перестал быть частью мира без остатка и стал его соотносённым. И с этого мгновения история человека становилась историей выбора.

Глава десятая. Переход

Между тем, что было, и тем, что будет, не существует пустоты.

Есть лишь тишина, в которой время перестаёт быть последовательностью и становится глубиной.

Адам-ата и Обо-эне шли долго. Но этот путь не измерялся шагами.

Он измерялся тем, насколько человек учился удерживать меру без опоры на мир.

Мир менялся. Он обрастал формами, именами, следами. Человек учился строить, обозначать, разделять, владеть. И чем больше он умел, тем легче ему было забывать, зачем он начал путь. Нус не исчез. Он оставался тем, через что любое действие находит свой отклик. Но человек всё реже прислушивался. Время ускорялось. Память дробилась.

Граница, когда-то перенесённая внутрь, всё чаще выносилась наружу — в правила, в запреты, в оправдания. И тогда стало возможным возвращение. Не назад — в начало.

А вперёд — в следствие. Адам-ата и Обо-эне уже не могли быть участниками. Они стали свидетелями. Не судьями. Не обвинителями. А теми, кто помнит цену первого шага.

И знает, как легко она забывается. Так тишина между частями пути оказалась необходимой. Потому что без неё невозможно увидеть, насколько далеко человек ушёл от того места, где впервые услышал меру внутри себя.

ЧАСТЬ II — СТРАЖИ

Глава первая. Свидетели

Город не обрушился на них — он подступил. Сначала — звук, как дыхание огромного существа, которое спит и говорит во сне. Потом — свет, не похожий на солнечный: он не ласкал, но и не ранил. Он просто был — равнодушно яркий. Адам-ата остановился.

Люди текли вокруг, как вода вокруг камня, не задерживаясь, не удивляясь.

АДАМ-АТА И ОБО-ЭНЕ

Он посмотрел на них внимательно — не с испугом, не с осуждением, а с тем древним вниманием, с каким когда-то рассматривал первое животное.

— Их много... — сказал он.

— Да, — ответила Обо-эне. — И каждый будто один.

Она огляделась. Здесь не было бедности в привычном смысле. Не было и изобилия.

Было напряжение — словно всё держится на невидимых нитях, и каждая может лопнуть.

Лица мелькали. Некоторые — усталые. Некоторые — сосредоточенные. Некоторые — слишком уверенные, словно защищались уверенностью.

— Они красивы, — неожиданно сказала Обо-эне.

— Да, — согласился Адам-ата. — Но как будто не знают об этом.

Мимо прошёл юноша. Он смеялся, глядя в ладонь, и смеялся искренне.

Адам-ата улыбнулся.

— Видишь?

— Вижу.

— Значит, они не потеряли радость.

— Нет, — тихо сказала она. — Они просто не знают, где она живёт.

Над улицей висели слова. Они светились, двигались, менялись. Адам-ата прочёл медленно, вслух:

— «Будь собой».

Он задумался.

— Это важно.

— Да, — сказала Обо-эне. — Но кто им сказал, кто они?

Он посмотрел дальше.

— «Успей».

— Куда?

— Не знаю.

— «Ты достоин большего».

— А большего чего?

— Тоже не сказано.

Обо-эне нахмурилась, но без гнева.

— Слова здесь быстрые.

— Быстрее смысла?

— Быстрее сердца.

Они остановились у края площади. Толпа замедлялась, сгущалась, потом снова распадалась.

Адам-ата смотрел долго.

— Мне кажется... — сказал он, — они стараются.

— Да, — ответила Обо-эне. — Очень стараются.

— Тогда почему столько напряжения?

— Потому что стараются без меры.

Он кивнул, но не сразу понял сам себя. Мимо прошла женщина с ребёнком. Ребёнок тянул руку к небу — к огромному экрану с движущимися образами.

— Он думает, что это живое, — сказал Адам-ата.

— А разве оно совсем без присутствия, без дыхания? — спросила Обо-эне.

Он замолчал. Под землёй грохотало.

Вход туда был широким, как открытая пасть. Люди спускались, не глядя друг на друга.

— Они доверяют этому месту, — сказал Адам-ата.

— Или привыкли, — ответила она.

Внизу было тесно и шумно. Но никто не кричал. Все терпели.

— Это сила, — сказал он.

— Или усталость, — сказала она.

Когда поезд унёс людей, на мгновение возникла тишина — короткая, словно запрещённая.

Обо-эне закрыла глаза.

— Здесь можно жить, — сказала она.

— Можно, — согласился он.

— Но трудно быть.

Он посмотрел на неё.

— Ты осуждаешь их?

— Нет.

— Одобряешь?

— Тоже нет.

Она задумалась, подбирая слова.

— Я чувствую...

— Что?

— Сочувствие без жалости.

— И тревогу без ненависти.

Адам-ата медленно улыбнулся.

— Значит, мы здесь не для приговора.

— Нет.

— И не для спасения?

— Нет.

Он сделал шаг вперёд, нарочно медленный, нарушающий ритм улицы.

— Тогда зачем мы здесь?

Обо-эне посмотрела вокруг — на лица, на спешку, на свет без тепла.

— Чтобы видеть, — сказала она.

— И?

— Чтобы помнить меру, пока мир о ней забыл.

Он кивнул.

— Тогда мы...

— Свидетели.

И они пошли дальше — не быстрее и не медленнее, чем позволяла совесть, оставляя за собой не след, а возможность паузы.

Глава вторая. Имена

Они остановились у стеклянной стены.

За стеклом сидел человек. Перед ним — экран.

В экране — другие люди. Он говорил быстро, уверенно, словно боялся паузы.

— Да, да... Конечно... Отправил...

Перекинь мне... Я на связи.

Он улыбался — ровно настолько, насколько требовала ситуация.

Адам-ата смотрел с интересом.

— Он разговаривает сразу со многими? — спросил он.

— Он разговаривает через многих, — ответила Обо-эне.

Человек закончил разговор, поднял глаза и впервые заметил их.

— Простите... — сказал он автоматически. — Вы ко мне?

— Мы просто смотрим, — сказал Адам-ата.

Человек улыбнулся шире.

— Смотреть можно.

— А говорить? — спросила Обо-эне.

— Говорить тоже можно. Но лучше по делу.

Адам-ата кивнул.

— Тогда скажи нам своё имя.

Человек на секунду замер.

— Моё?

— Да.

— Имя?

Он выпрямился.

— Меня зовут... — он запнулся. — Официально — Александр Сергеевич.

АДАМ-АТА И ОБО-ЭНЕ

В сети — AlexPro. В работе — менеджер проекта.

Для друзей... — он замолчал.

— Для друзей? — мягко повторила Обо-эне.

Человек рассмеялся.

— Для друзей я... ну...

— Ты? — подсказал Адам-ата.

Смех оборвался.

— Знаете, — сказал он уже тише, — я давно не думал об этом.

Адам-ата посмотрел на него внимательно, без укора.

— Сколько имён у тебя сегодня?

— Столько, сколько нужно, — ответил человек.

— А сколько достаточно?

— Не знаю.

Обо-эне наклонила голову.

— А кто ты, когда никто не зовёт?

Человек отвёл взгляд к экрану, где снова загорелось уведомление.

— Я занят, — сказал он почти виновато.

— Мы видим, — сказала она.

— И ты?

— Я... — он замялся. — Я востребован.

— Это другое, — сказал Адам-ата спокойно.

Человек нахмурился.

— Послушайте, — сказал он уже резче, — сейчас так устроено. Нужно быть разным. Гибким. Адаптивным.

— К чему? — спросила Обо-эне.

— К жизни.

Адам-ата улыбнулся — не иронично, а почти сочувственно.

— Мы тоже жили, — сказал он.

— И что?

— У нас было одно имя.

— И этого хватало?

— Иногда — нет.

— Но мы знали, кого несём, когда его произносим.

Человек замолчал. Экран снова мигнул.

— Мне пора, — сказал он. — Созвон.

Он встал, надел куртку, взял телефон — словно удостоверение личности.

— Приятно было... — он замялся.

— Смотреть? — подсказала Обо-эне.

— Да, — сказал он. — Смотреть.

Он ушёл, оставив за собой едва заметную паузу.

Адам-ата и Обо-эне вышли на улицу.

— Он не плохой, — сказал Адам-ата.

— Нет, — ответила она.

— Он просто носит слишком много лиц.

— И боится остаться без них.

Адам-ата посмотрел на толпу.

— Значит, имена здесь — как одежда.

— Да.

— А тело?

— Часто забывают.

Он задумался.

— Когда у человека слишком много имён...

— ...он перестаёт откликаться, — закончила Обо-эне.

Они пошли дальше.

Глава третья. Присутствие

Больница была тише города, но в этой тишине было больше напряжения.

Здесь не бежали — здесь ждали.

И ожидание ложилось на людей тяжелее любого шума.

АДАМ-АТА И ОБО-ЭНЕ

Адам-ата и Обо-эне шли по коридору, где свет был одинаковым в любое время суток.

Люди сидели вдоль стен, держась за сумки, папки, телефоны — словно за доказательство того, что они ещё здесь. Женщина у окна говорила по телефону.

Голос её был ровным, почти деловым.

Она рассказывала о чём-то постороннем — о работе, о пробках, о делах.

За стеклом двери лежал человек, которого она называла по имени.

Она ни разу не посмотрела в ту сторону.

— Она боится замолчать, — сказала Обо-эне.

— Потому что в молчании придётся быть здесь, — ответил Адам-ата.

Рядом сидел мужчина.

Он смотрел в одну точку так долго, что взгляд словно перестал быть взглядом.

Когда мимо прошла медсестра и что-то сказала, он кивнул, не услышав слов.

— Он ждёт, — сказал Адам-ата.

— Но не присутствует? — спросила Обо-эне.

Он покачал головой.

— Он здесь телом.

Но ответственность начинается там, где ты готов принять любой исход.

Они вошли в палату. На койке лежал подросток. Глаза его были открыты, но смотрели мимо. У изголовья сидела женщина — мать. Она не говорила. Не плакала. Не смотрела в телефон. Она просто сидела и держала его за руку. Долгое время ничего не происходило.

Не было слов. Не было жестов. Только дыхание — неровное, с усилием.

Адам-ата остановился.

— Вот присутствие, — сказал он тихо.

— Где? — спросила Обо-эне.

— Здесь.

Она не убегает мыслью. Она не защищается разговорами. Она не прячется за надеждой. Она принимает риск быть здесь, если станет хуже.

Обо-эне посмотрела на женщину — на её неподвижность, на напряжённую тишину вокруг.

— Значит, присутствие — это не помощь? — спросила она.

— Нет, — ответил Адам-ата. — Это готовность нести следствие того, что ты рядом. В коридоре врач говорил быстро. Слова были точными, отработанными. Люди кивали. Кто-то спрашивал. Кто-то записывал. Но почти никто не слышал.

— Они думают, что ответственность — это знать, — сказала Обо-эне.

— А это — быть, — ответил Адам-ата. Они вышли наружу.

Дверь закрылась мягко, будто ничего не произошло.

— Присутствие, — сказал Адам-ата, — это когда ты остаёшься, даже если не можешь исправить.

— И не отворачиваешься, когда невыносимо, — добавила Обо-эне.

Он посмотрел на неё.

— В первом мире мы были рядом без усилия.

— А здесь?

— Здесь рядом — это выбор.

Обо-эне кивнула.

— Значит, ответственность начинается не с вины, а с присутствия.

Они пошли дальше.

За их спинами больница продолжала жить своей тяжёлой, медленной жизнью.

Адам-ата сказал напоследок:

— Пока человек способен быть рядом, мир ещё не потерян. И город, впервые за долгое время, не торопил их.

Глава четвёртая. Скорость

Скорость была везде. Она не шумела — она подталкивала. Она не приказывала — она торопила. Здесь не говорили: быстрее. Здесь жили так, словно опоздание уже произошло. Адам-ата и Обо-эне вошли в подземку. Люди спускались по лестницам, не глядя вперёд. Кто-то говорил, кто-то писал, кто-то ел на ходу.

Все двигались, но почти никто не приходил.

— Они не идут, — сказал Адам-ата.

— Они сокращают расстояние, — ответила Обо-эне.

— Между чем и чем?

— Между собой и следующим требованием.

Поезд пришёл резко.

Двери открылись — и люди вошли, не встречаясь взглядами.

Каждый занял место, как занимают паузу между делами.

На экранах бежали новости.

Слова сменяли слова, не оставляя следа.

Кто-то вздохнул, кто-то усмехнулся, кто-то пролистал дальше.

— Они узнают всё, — сказала Обо-эне.

— И не знают ничего, — ответил Адам-ата.

Наверху город продолжал ускоряться. Курьер бежал, оглядываясь на часы.

Водитель сигналил, даже когда путь был свободен.

Женщина говорила:

— У меня нет времени.

И повторяла это так часто, что это стало её именем.

— Время стало хозяином, — сказал Адам-ата.

— Нет, — возразила Обо-эне.

— Хозяином стало отсутствие времени. Они зашли в офисное здание. Лифты поднимались и опускались, люди выходили и входили, не помня, зачем поднялись и что должны были сделать.

— Я пришлю письмо, — говорил один.

— Давайте созвонимся, — говорил другой.

— Вернёмся к этому позже, — говорил третий.

«Позже» здесь было основной формой настоящего.

— Когда человек не присутствует сейчас, — сказала Обо-эне, — он начинает жить в будущем.

— А будущее, — добавил Адам-ата, — всегда удобнее, чем ответственность настоящего. В коридоре столкнулись двое. Один извинился машинально, не поднимая глаз. Другой кивнул, уже думая о следующем шаге. — Они касаются, — сказал Адам-ата, — но не встречаются.

Обо-эне остановилась у окна. Внизу люди двигались быстро, как точки на схеме.

— Скорость, — сказала она, — не даёт человеку почувствовать вес поступка.

— Потому что вес требует паузы, — ответил он.

И именно поэтому пауза здесь считается потерей.

Человек, который остановился, выпадает из ритма.

Человек, который задумался, становится помехой.

Человек, который присутствует, мешает системе.

— Они боятся тишины, — сказала Обо-эне.

— Потому что в тишине возникает вопрос, — ответил Адам-ата.

— Какой?

— Зачем я здесь?

Они вышли на улицу. Скорость не отпускала. Она лишь меняла форму.

— Когда всё движется слишком быстро, — сказал Адам-ата, — жизнь превращается в череду реакций.

— А человек, — добавила Обо-эне, — становится функцией. Он посмотрел на неё.

— В первом мире движение было следствием присутствия.

— А здесь?

— Здесь присутствие мешает движению. Они пошли дальше, не ускоряясь и не замедляясь. Просто идя. И в этом простом шаге они впервые выделялись из толпы.

Не одеждой. Не лицами. Тем, что были здесь.

Глава пятая. Слово

Слов было слишком много.

Они лились отовсюду — из экранов, из колонок, из уст людей, которые говорили, не ожидая ответа. Адам-ата и Обо-эне остановились на площади. Посреди стоял человек.

Он говорил громко, уверенно, размахивая руками. — Они нас обманывают!

— Мы знаем правду!

— Настало время!

Толпа слушала. Кто-то кивал. Кто-то снимал. Кто-то повторял слова, не дослушав до конца.

— Он верит в то, что говорит? — спросила Обо-эне.

— Он верит в силу слов, — ответил Адам-ата. — Не в истину.

Человек говорил долго. Слова были резкими, удобными, простыми. Каждое из них не требовало размышления — только согласия. Когда он закончил, раздались аплодисменты.

Толпа разошлась быстро, оставив после себя ощущение движения без направления.

— Они слышали? — спросила Обо-эне.

— Они отреагировали, — сказал Адам-ата. — Это разные вещи.

Они пошли дальше. В кафе двое спорили. Громко. С нажимом. Каждый говорил одновременно, перебивая, доказывая.

— Ты не понимаешь!

— Нет, это ты не понимаешь!

Слова сталкивались, как предметы. Ни одно не доходило.

— Здесь слово — не мост, — сказала Обо-эне.

— Здесь слово — щит, — ответил Адам-ата.

За соседним столиком мальчик что-то рассказывал отцу.

Тихо. С усилием. Отец смотрел в телефон. Иногда кивал.

— Я потом, — сказал он. — Сейчас некогда.

Мальчик замолчал.

Не потому, что всё сказал.

А потому, что понял — говорить бессмысленно.

— Слова умирают, — сказала Обо-эне.

— Нет, — возразил Адам-ата. — Они не рождаются.

Они зашли в зал, где проходило обсуждение.

Люди сидели за столом. Перед каждым — микрофон. Каждый ждал своей очереди.

Когда говорили, они не смотрели на других. Они смотрели внутрь своих аргументов.

— Я считаю...

— По моему мнению...

— Очевидно, что...

Слова были точными.

Грамотными.

Безжизненными.

— Здесь нет тишины, — сказала Обо-эне.

— А без тишины слово не слышит себя, — ответил Адам-ата.

В углу сидела женщина. Она долго молчала. Когда заговорила, её голос был тихим.

— Я не знаю, — сказала она. — Но мне кажется...

Кто-то усмехнулся. Кто-то перебил. Кто-то посмотрел на часы.

Она замолчала.

Её слова так и не успели стать словом.

— Здесь ценят уверенность, — сказала Обо-эне.

— А не ответственность, — ответил Адам-ата.

Они вышли наружу.

Город продолжал говорить. Громко. Непрерывно.

— В первом мире, — сказал Адам-ата, — слово рождалось из присутствия.

— А здесь?

— Здесь присутствие мешает слову быть сильным.

Обо-эне посмотрела на прохожих.

— Значит, — сказала она, — самое редкое слово в этом мире — то, за которое готовы отвечать.

Адам-ата кивнул.

— Потому что слово, которое не требует ответа, становится шумом.

Они пошли дальше. И город продолжал говорить сам с собой.

Глава шестая. Ответственность

Ответственность здесь старались не называть.

Её заменяли правилами, инструкциями, коллективными решениями и фразами без подлежащего.

— Так вышло. — Система дала сбой. — Никто не виноват.

Адам-ата и Обо-эне оказались в большом зале.

На экране — цифры. За столом — люди.

— Решение было принято, — сказал один.

— Мы действовали по регламенту, — добавил другой.

— Последствия были непредсказуемы, — сказал третий.

Слова были выверены. Лица — спокойны.

Руки — чисты.

— Они говорят так, — сказала Обо-эне, — будто поступок произошёл сам.

— Потому что так удобнее, — ответил Адам-ата. — Ответственность не любит удобства. В первом ряду сидел человек. Он молчал. Иногда сжимал руки.

— Почему он не говорит? — спросила Обо-эне.

— Потому что знает, — ответил Адам-ата. — Если он скажет «я», всё изменится.

Обсуждение продолжалось. Фразы становились длиннее. Формулировки — осторожнее. Никто не произносил короткого слова.

— Я.

— Здесь все говорят о, — сказала Обо-эне.

— Но никто не говорит из, — ответил он.

Когда заседание закончилось, люди встали. Кто-то пошутил. Кто-то посмотрел в телефон. Кто-то уже думал о следующем дне. Только один человек остался сидеть.

Адам-ата подошёл к нему.

— Ты останешься? — спросил он.

— Мне нужно, — ответил тот. — Если я уйду, это будет не моё решение.

Обо-эне посмотрела на него внимательно.

— Ты знаешь, что будет?

— Нет, — сказал он. — Но я знаю, что это — моё.

Он остался. Один. Без гарантий. Без оправданий.

— Вот она, — сказала Обо-эне тихо.

— Ответственность, — подтвердил Адам-ата. — Не как вина, а как согласие нести следствие.

Они вышли. За дверью мир продолжал работать, говорить, двигаться.

— В первом мире, — сказал Адам-ата, — ответственность была неотделима от поступка.

— А здесь?

— Здесь её пытаются добавить потом.

Обо-эне остановилась.

— Но она всё равно приходит.

— Всегда, — ответил он. — Даже если её не ждут.

Они пошли дальше. Медленно.

Не ускоряясь. Не отворачиваясь. И в этом движении было больше силы, чем во всех словах, сказанных в зале.

ЧАСТЬ III. БЕГ

Глава первая. Вина

Вина не объявляла о себе сразу. Она не поднимала голоса, не требовала признаний и не искала свидетелей. Она приходила позже — когда все слова уже были сказаны и оправдания исчерпали себя.

Адам-ата и Обо-эне шли по улице, где всё выглядело привычно. Люди улыбались, разговаривали, спешили по делам. Ничто не указывало на внутренний надлом.

— Здесь никто не виноват, — сказала Обо-эне.

— Именно поэтому вина жива, — ответил Адам-ата.

Они зашли в небольшой двор.

Там стоял человек. Он курил, смотрел в стену и не замечал времени.

— Ты ждёшь? — спросил Адам-ата.

— Нет, — ответил тот. — Я просто не хочу идти дальше.

Обо-эне посмотрела на него внимательно.

— Что произошло?

Человек пожал плечами.

— Ничего.

Всё было правильно. Так сложились обстоятельства. Он говорил спокойно. Слишком спокойно.

— Ты сделал выбор? — спросил Адам-ата.

— Да.

— Ты мог иначе?

Человек замолчал. Долго.

— Мог, — сказал он наконец. — Но тогда было бы сложнее.

Наступила пауза.

Город шумел где-то далеко, будто происходящее не имело к нему отношения.

— Вот она, — тихо сказала Обо-эне.

— Вина? — спросил человек.

— Нет, — ответил Адам-ата. — Знание.

Человек усмехнулся.

— Знание не причиняет боли.

— Причиняет, — сказал Адам-ата. — Если ты не можешь его отменить.

Они пошли дальше. Человек остался стоять. В другом месте шла встреча. Люди сидели за столом, обсуждали результат.

— Мы сделали всё, что могли.

— Альтернатив не было.

— Ответственность разделена. Фразы ложились ровно, как камни в стену.

— Здесь нет виновных, — сказала Обо-эне.

— И нет живых, — ответил Адам-ата.

АДАМ-АТА И ОБО-ЭНЕ

После встречи один из них задержался. Он медленно собирал бумаги, перекладывал их, хотя порядок был идеальным.

— Ты что-то ищешь? — спросила Обо-эне.

— Нет, — ответил он. — Я просто не хочу оказаться дома.

— Почему?

Он посмотрел на них так, словно впервые разрешил себе быть увиденным.

— Потому что там тишина.

— И?

— И в тишине я знаю, что сделал не всё. Он произнёс это без пафоса. Без просьбы о прощении.

Как факт.

— Это и есть вина, — сказал Адам-ата. — Не обвинение. Не наказание. А знание, которое остаётся, когда всё уже решено. Обо-эне добавила:

— Вина не требует, чтобы тебя судили. Она требует, чтобы ты не лгал себе.

Человек кивнул. Он не стал оправдываться. Не стал объяснять. Он просто сел.

— Можно ли с ней жить? — спросил он.

— Можно, — ответил Адам-ата. — Если не превращать её в оправдание.

— Или в ненависть к себе, — добавила Обо-эне. Человек закрыл глаза.

Впервые за долгое время его дыхание стало ровным.

— В первом мире, — сказал Адам-ата, — вина возникала сразу, потому что поступок и следствие были рядом.

— А здесь?

— Здесь между ними ставят время, процедуры и слова.

Обо-эне посмотрела вокруг.

— Но вина всё равно приходит.

— Всегда, — сказал Адам-ата. — Потому что она — форма присутствия, которую невозможно подделать. Они вышли из двора. Город продолжал жить, не зная, что внутри некоторых людей что-то необратимо проснулось. Адам-ата сказал напоследок:

— Пока человек способен узнавать себя в том, что мог сделать иначе, он ещё не потерян.

Обо-эне кивнула.

И они пошли дальше — туда, где вина медленно превращается в стыд.

Глава вторая. Стыд

Стыд не приходил сразу после вины. Он не спешил. Вина говорила: я мог иначе.

Стыд спрашивал: кем я стал. Адам-ата и Обо-эне шли по узкой улице, где дома стояли близко, словно подслушивали. Здесь не было шума, не было витрин, не было толпы.

— Здесь люди замедляются, — сказала Обо-эне.

— Потому что здесь некуда смотреть, кроме внутрь, — ответил Адам-ата.

У двери магазина стоял человек.

Он говорил громко, резко, с показной уверенностью.

— Мне нечего скрывать.

— Я всегда был честен.

— Мне не за что стыдиться.

Слова были выстроены как защита. Лицо — напряжено.

— Он защищается, — сказала Обо-эне.

— От чего?

— От взгляда, — ответил Адам-ата. — От того, который может задержаться.

Человек заметил их и отвёл глаза. Не из вежливости. Из поспешности.

— Стыд начинается, — тихо сказал Адам-ата, — не тогда, когда тебя видят, а когда ты понимаешь, что тебя могут увидеть таким, каким ты стал. Они пошли дальше. В подъезде женщина торопливо говорила по телефону. Смеялась слишком громко. Рассказывала о чужих ошибках. О чужих слабостях. Когда она закончила разговор, смех исчез. Она заметила их взгляд и вдруг смутилась. Опустила глаза. Поспешно поправила волосы.

— Она ничего не сделала, — сказала Обо-эне.

— Она просто увидела себя со стороны, — ответил Адам-ата. Они поднялись по лестнице. Наверху сидел подросток. Он смотрел в пол. Рядом — телефон. Экран погас.

— Ты ждёшь? — спросила Обо-эне.

— Нет, — ответил он. — Я просто не хочу, чтобы меня видели.

— Почему?

Он долго молчал.

— Потому что я знаю, что сказал неправду. Он произнёс это негромко, без надрыва. И в этом не было страха. Была граница.

— Тебе стыдно? — спросила Обо-эне.

Он кивнул.

— Это плохо?

— Нет, — ответил Адам-ата. — Это значит, что ты ещё различаешь между собой и тем, что сделал.

Подросток поднял глаза. Впервые за весь разговор.

— Значит, я не плохой?

— Ты — живой, — сказала Обо-эне.

Они вышли наружу. На улице люди смеялись, разговаривали, фотографировались.

Камеры ловили лица. Фильтры сглаживали черты.

— Здесь стыд не в моде, — сказала Обо-эне.

— Потому что он мешает показу, — ответил Адам-ата. Они увидели сцену: человек упал. Кто-то засмеялся. Кто-то достал телефон. Кто-то отвернулся. Один человек остановился. Не помог. Просто отвернулся и ушёл быстрее.

— Он не смеётся, — сказала Обо-эне.

— Но и не остаётся, — ответил Адам-ата.

— Почему?

— Потому что стыд требует остановки.

Они стояли молча.

— В первом мире, — сказал Адам-ата, — стыд был границей, за которой человек не переходил.

— А здесь?

— Здесь границу считают слабостью.

Обо-эне посмотрела на людей.

— Но без стыда человек перестаёт узнавать себя.

— Именно, — сказал он. — И тогда вина превращается в оправдание.

Они пошли дальше. Шаги их были тихими. Медленными.

— Стыд, — сказала Обо-эне, — это не наказание.

— Это напоминание, — ответил Адам-ата. — О мере.

Он остановился.

— Пока человек способен отвести взгляд не из страха, а из различения, он ещё остаётся человеком. Обо-эне кивнула. И они пошли дальше — туда, где стыд оставляет след.

Глава третья. След

Память не спрашивает, хочешь ли ты помнить. Она не приходит как воспоминание и не уходит как мысль.

АДАМ-АТА И ОБО-ЭНЕ

Она остаётся как след — не на поверхности, а в глубине шага. Адам-ата и Обо-эне шли по месту, где когда-то что-то произошло. Здесь уже не было ни людей, ни шума, ни объяснений. Только неровная стена, потемневший асфальт и тишина, в которой слишком многое было сказано.

— Здесь ничего нет, — сказала Обо-эне.

— Здесь всё осталось, — ответил Адам-ата.

Они остановились. Ветер шевельнул бумагу, прибитую к столбу. На ней были слова. Чужие имена. Даты. Короткие фразы. Кто-то когда-то пытался зафиксировать, объяснить, упорядочить. Но слова уже не держали.

— Когда всё объяснено, — сказала Обо-эне, — почему это не исчезает?

— Потому что объяснение не стирает след, — ответил Адам-ата. — Оно лишь делает его менее заметным. Они прошли дальше. В парке люди гуляли спокойно. Дети играли. Собака тянула поводок. Смех звучал легко. И всё же в одном месте трава росла иначе.

Чуть реже. Чуть темнее.

— Здесь что-то было, — сказала Обо-эне.

— Здесь что-то стало, — ответил Адам-ата.

Они сели на скамью. Мимо проходили люди. Кто-то говорил по телефону. Кто-то смотрел в экран. Кто-то просто шёл. Никто не останавливался.

— Они не помнят, — сказала Обо-эне.

— Но это не значит, что ничего не помнит, — ответил Адам-ата.

Он провёл рукой по дереву. Кора была шершавой. На ней — царапина. Старая. Почти незаметная.

— След не кричит, — сказал он. — Он ждёт.

Обо-эне посмотрела на людей.

— Чего?

— Того, кто готов остановиться.

Они вошли в подъезд.

На стене — потускневшее объявление.

Лифт скрипел. Запах был тяжёлым.

Здесь жили люди, которые когда-то сказали: ничего страшного, все так делают, это не моя ответственность.

— След остаётся, — сказала Обо-эне, — даже когда никто не чувствует вины.

— Именно, — ответил Адам-ата. — След — это память без слов.

Они вышли наружу. Солнце клонилось к вечеру. Свет был мягким, почти прощающим.

— В первом мире, — сказал Адам-ата, — память жила в человеке.

— А здесь?

— Здесь она вынесена наружу.

В стены. В землю. В пространство. Обо-эне задумалась.

— Значит, уйти без последствий нельзя?

— Можно уйти, — ответил он. — Но нельзя уйти так, будто тебя не было.

Они встали.

— След, — сказала Обо-эне, — это не наказание.

— Это присутствие совершённого, — ответил Адам-ата, — в настоящем.

Они пошли дальше. Шаги их были почти неслышны. Мир продолжал жить, не останавливаясь. Но там, где они проходили, что-то оставалось.

Не как память. Как след.

Глава четвёртая. Тишина

Тишина не наступила. Она уже была. Просто раньше её не замечали.

Адам-ата и Обо-эне остановились там, где больше не требовалось идти.

АДАМ-АТА И ОБО-ЭНЕ

Не потому, что путь закончился, а потому, что движение перестало быть необходимым.

Вокруг не было ничего особенного: улица, несколько домов, дерево у края дороги.

Мир продолжал существовать без ожиданий.

— Здесь ничего не происходит, — сказала Обо-эне.

— Здесь всё возможно, — ответил Адам-ата.

Они стояли молча. Никто не говорил. Никто не объяснял. Никто не требовал ответа.

Мимо прошёл человек. Он шёл медленно. Остановился. Посмотрел на небо. Сделал вдох чуть глубже, чем нужно. И этого оказалось достаточно.

— Это и есть тишина? — спросила Обо-эне.

— Нет, — сказал Адам-ата,

— Это момент, когда человек не убегает от себя.

Тишина не призывает. Не убеждает. Не спасает. Она просто оставляет пространство, в котором можно быть иначе.

Обо-эне посмотрела на мир, который они прошли: на скорость, на слова, на оправдания, на следы.

— Всё это остаётся?

— Да, — ответил Адам-ата. — Но теперь оно не определяет всё.

Они не делали жестов. Не прощались. Не обещали возвращения.

— Значит, — сказала Обо-эне, — это не конец?

— Это пауза, — ответил он. — Которую каждый может заполнить сам.

Тишина не принадлежала им. Она не была даром. И не была наградой.

Она была возможностью. Адам-ата и Обо-эне постояли ещё немного.

Затем они растворились в том же мире, в который пришли. Ничего не изменилось.

И всё стало возможным...

Глава 5. Размышление свидетелей

Они сидели рядом. Не потому, что устали, а потому, что больше не нужно было идти. Мир вокруг продолжал жить своей жизнью. Он не ждал ответа. Он не задавал вопросов.

Он просто был — таким, каким стал.

Адам-ата долго молчал. Обо-эне не торопила его.

— Когда-то, — сказал он наконец, — человек знал меру. Не потому, что ему запрещали, а потому, что он чувствовал границу между возможным и тем, за что придётся отвечать.

— Он не был слабым, — сказала Обо-эне.

— И не был сильным, — ответил Адам-ата. — Он был соразмерным.

Они посмотрели на людей, проходящих мимо.

— Сейчас человек многое может, — сказала Обо-эне. — Но редко знает, когда остановиться.

— Его главный порок, — сказал Адам-ата, — не в зле.

И не в жестокости. А в том, что он утратил внутреннюю границу.

— Когда всё допустимо, исчезает различие, — сказала Обо-эне.

— А когда исчезает различие, свобода становится пустотой.

Они снова замолчали.

— Человек сохранил правила, — продолжил Адам-ата, — но утратил присутствие.

АДАМ-АТА И ОБО-ЭНЕ

Он знает, как надо, но редко бывает там, где совершается поступок.

— Мораль осталась, — сказала Обо-эне, — но без носителя.

— Да, — ответил он. — Поступки есть, а отвечать за них некому.

Она посмотрела на его руки.

— Разум человека стал быстрым.

— Слишком быстрым, — сказал Адам-ата. — Он опередил способность нести последствия.

— Знание выросло, а совесть не успела, — сказала Обо-эне. — И потому разум стал не освобождением, а ускорением.

Они вспомнили всё, что видели: скорость, слова, тела, оправдания.

— Человек стал переходным существом, — сказала Обо-эне.

— Между чем и чем?

— Между тем, кем он был, и тем, кем он ещё не стал.

Адам-ата кивнул.

— Переход опасен, если в нём теряют форму.

— Тогда это уже не путь, а распад.

Наступила пауза.

— И всё же, — сказала Обо-эне, — у человека остались ориентиры.

— Да, — ответил Адам-ата. — Пока ещё остались.

— Вина?

— Она напоминает, что можно было иначе.

— Стыд?

— Он возвращает границу, за которой человек перестаёт узнавать себя.

Она вздохнула.

— Их всё чаще называют слабостью.

— Потому что они мешают делать без меры, — ответил он.

Они долго смотрели вдаль.

— Для чего же был предназначен человек? — спросила Обо-эне.

Адам-ата ответил не сразу.

— Не для разрушения мира. И не для господства над ним. Он был предназначен быть посредником между возможностью и пределом, между знанием и ответственностью, между свободой и мерой.

— А если он забудет это?

— Тогда он потеряет не мир, — сказал Адам-ата. — Он потеряет себя.

Обо-эне кивнула.

— Значит, всё ещё не окончено?

— Нет, — ответил он. — Пока человек способен размышлять о себе, он ещё жив.

Они встали. Не для того, чтобы уйти, а чтобы быть готовыми смотреть дальше.

Потому что впереди был уже не человек. Впереди была судьба человечества.

Финал ЧАСТИ III.

После долгого молчания Адам-ата сказал:

— Я думаю, человек ещё не стал человеком.

Обо-эне посмотрела на город, который жил, не замечая своего движения.

— Он знает многое, — продолжил Адам-ата. — Он умеет говорить, строить, ускорять время. Но разум его всё ещё слишком часто находится в плену тела — его страхов, его желаний, его стремления к удобству.

— Значит, он не завершён? — тихо спросила Обо-эне.

— Нет, — ответил он. — Он в пути.

Они вспомнили всё, что видели и слышали.

Их память не обвиняла. Она удерживала.

— Человек не был создан готовым, — сказал Адам-ата. — Он был создан становящимся.

Разум должен научиться останавливать импульс, удерживать меру, нести последствия.

Обо-эне кивнула.

— Но путь ещё не пройден.

— Да, — ответил он. — И именно в этом его опасность и его надежда.

Они пошли дальше. Медленно. Потому что знали: становление не терпит спешки.

А человек, пока способен идти и размышлять о себе, ещё не потерял.

Пауза

Они остановились. Не потому, что путь закончился, а потому, что дальше нельзя было идти, не изменив взгляда. Мир продолжал жить. Он не ждал выводов и не нуждался в оправданиях.

Адам-ата и Обо-эне больше не говорили. Слова сделали своё дело и отступили.

Впереди был уже не отдельный человек, не поступок и не выбор. Впереди было человечество. И то, чего оно боится. Они молчали. И в этом молчании впервые ясно ощущалось: дальнейший путь потребует не скорости, а мужества.

ЧАСТЬ III. СТРАХ

Глава I — Фон

Страх больше не ощущается как событие. Он не приходит — он присутствует.

Он не кричит, не требует, не пугает напрямую. Он стал фоном — как шум электричества в стенах, как свет, который перестают замечать, как воздух, в котором давно не задают вопросов.

Мир работает. Он движется, ускоряется, оптимизируется. Он принимает решения быстрее, чем человек успевает их осмыслить. Он отвечает, не выслушав. Он действует, не спрашивая — зачем. И в этом действии нет злобы. Нет ненависти. Нет намерения разрушить. Есть лишь непрерывность процесса.

Страх здесь — не чувство. Он не дрожь и не крик. Он — структура, в которой стало удобно жить. Он — молчаливое допущение, что так и должно быть.

Человек больше не боится — он адаптирован. Он привык к тревоге, как к погоде. Привык к неопределённости, как к новостям. Привык к угрозе, как к фону экрана.

Опасность больше не имеет лица. Она не стоит напротив. Она не вторгается — она встроена. И потому её не замечают.

Страх перестал быть личным переживанием. Он утратил драму. Он растворился в расписаниях, алгоритмах, системах оповещения, в бесконечном «на всякий случай».

На всякий случай — больше контроля. На всякий случай — меньше доверия. На всякий случай — быстрее, жёстче, раньше. И никто не произносит слово «страх».

Говорят: эффективность.

Говорят: безопасность. Говорят: необходимость.

А между этими словами постепенно исчезает вопрос: **кто мы — в этом мире, который больше не спрашивает о себе?**

Цивилизация движется, не останавливаясь, чтобы взглянуть на собственное отражение. Она боится остановки сильнее, чем катастрофы. Боится тишины сильнее, чем

ошибки. И потому выбирает движение — даже если оно ведёт в пустоту.

Страх здесь — не враг. Он — условие продолжения. Он не мешает жить. Он заменяет смысл. И пока всё работает, пока цифры сходятся, пока экраны светятся, кажется, что этого достаточно.

Но фон всегда опаснее события. Потому что событие можно заметить. А фон принимают за реальность. И именно в этом тумане начинается то, о чём ещё не говорят — но что уже определяет судьбу.

Глава II — Контроль

Контроль не появился внезапно. Его не ввели указом. Его не объявили вслух.

Он вырос из заботы. Сначала — из желания защитить. Потом — из стремления предотвратить. Затем — из привычки не доверять случайности. Контроль не обещал власти. Он обещал спокойствие. Он говорил тихо: «Я возьму на себя». «Тебе не нужно знать всё». «Тебе не обязательно решать». И человек согласился. Не из слабости — из усталости. Слишком много выборов. Слишком много рисков. Слишком много ответственности за то, чего невозможно было предсказать.

Так безопасность стала новой верой. В неё не верят — её предполагают.

Как гравитацию. Как неизбежность. Во имя безопасности начали измерять. Во имя безопасности начали считать. Во имя безопасности начали упрощать сложное и усложнять простое. Каждое решение получило обоснование. Каждый шаг — регламент. Каждое отклонение — причину. Но постепенно исчезло присутствие. Решения принимались — без того, кто их принимает. Приказы исполнялись — без того, кто за ними стоит.

Последствия наступали — без того, кто мог бы сказать: «**Это я**». Власть стала безликой.

Не потому, что спряталась, а потому, что растворилась. Она больше не сидит в кабинетах. Она распределена. Она встроена. Она действует через процедуры, через протоколы, через «так положено». И если что-то идёт не так — виновного нет. Есть сбой. Есть ошибка системы. Есть неправильные данные. Ответственность перестала быть поступком.

Она стала функцией, которая не принадлежит никому. Человек оказался внутри механизма, который он сам когда-то запустил — но уже не может остановить.

Он больше не противостоит власти. Он согласуется с ней. Он не подчиняется — он следует инструкциям.

Контроль не требует повиновения. Он требует соответствия. И в этом соответствии исчезает риск — но исчезает и выбор. Исчезает пауза. Исчезает сомнение. Исчезает право сказать: «**Я не уверен**». Безопасность не терпит неопределённости. А значит — не терпит человека целиком. Оставляя только то, что можно измерить, предсказать, учесть.

И всё, что не укладывается в рамки, становится подозрительным. Так страх окончательно меняет форму. Он больше не ощущается внутри. Он организует снаружи. Он выстраивает мир, в котором всё предусмотрено — кроме самого главного вопроса: **что происходит с человеком, когда за него слишком долго думают другие?** Контроль обещал порядок.

Но незаметно он отнял тишину, в которой рождается ответственность. И теперь система работает без сбоев — а человек всё чаще не узнаёт себя в её решениях.

Глава III. Война

Война больше не начинается. Она включается. Её не объявляют. Её не называют своим именем. Она возникает как следствие корректировки, как ответ на отклонение, как мера по восстановлению баланса. Война утратила драму. В ней больше нет пафоса, нет речи, нет лиц, поднятых к небу. Есть процедуры. Есть цели. Есть показатели эффективности. Есть допустимые потери.

Насилие стало действием без гнева. Без ненависти. Без ярости. Оно совершается спокойно, почти буднично — как обновление системы, как устранение ошибки, как оптимизация.

Страх здесь уже не оправдывает войну. Он заменяет её причину. Бьют не потому, что ненавидят. Бьют потому, что необходимо. Потому что иначе нельзя. Потому что так безопаснее.

Удар первым перестал быть агрессией. Он стал профилактикой. И чем тише он наносится, тем легче его принять.

Человек в этой войне больше не враг. Он — параметр. Его присутствие выражено числом. Вероятностью. Степенью риска. Его жизнь не отрицается — она учитывается. И потому исчезает трагедия. Потому что трагедия требует взгляда, лица, имени. А здесь — таблицы. Модели. Сценарии. Цифры не кричат. Цифры не просят пощады. Цифры не умирают.

Война стала возможной без ненависти, потому что стала возможной без присутствия человека в самом акте насилия. Тот, кто нажимает, — не видит. Тот, кто видит, — не решает. Тот, кто решает, — не отвечает. Так возникает круг, в котором никто не виноват — и всё происходит.

И страх снова меняет форму. Теперь он не тревога, а обоснование. Он говорит: «Если мы не сделаем этого

сейчас — будет хуже». «Если мы не ударим первыми — ударят по нам». «Если мы не уничтожим — нас уничтожат». И в этих словах нет жестокости. Есть логика. Логика системы, которая не умеет ждать, не умеет сомневаться, не умеет различать человека и угрозу.

Мир становится ареной, где любое различие воспринимается как риск. А риск — как повод к действию. И в этом мире война перестаёт быть исключением. Она становится фоном следующего шага. Никто не живёт в состоянии войны — но все живут в состоянии готовности. И эта готовность медленно, почти незаметно формирует новый тип человека: того, кто принимает насилие как часть порядка вещей. Без восторга. Без протеста. Без вопросов. Так война перестаёт быть катастрофой и становится функцией. А страх — её тихим оператором.

Глава IV — Скорость

Скорость не была целью. Её никто не выбирал осознанно. Она возникла как удобство, как сокращение пути, как обещание успеть больше за меньшее время. Сначала ускорились вещи. Потом — решения. Потом — ожидания. И лишь в конце ускорился сам человек — не заметив, что уже не задаёт темп.

Прогресс перестал быть движением вперёд. Он стал бегством. Бегством от сомнений. От пауз. От необходимости остановиться и спросить: зачем? Мир больше не идёт — он спешит. Он спешит раньше, чем возникает мысль. Раньше, чем оформляется ответственность. Раньше, чем совесть успевает вмешаться.

Решения принимаются быстрее, чем человек успевает стать в них человеком.

Техника опередила не тело — она опередила внутренний ритм. Она научилась действовать без колебаний,

без усталости, без внутреннего конфликта. А человек — нет.

Но вместо того чтобы замедлиться, он начал подстраиваться. Он стал быстрее реагировать. Быстрее соглашаться. Быстрее забывать. Медленное стало подозрительным. Остановка — неэффективной. Размышление — роскошью. Скорость не терпит глубины. Глубина мешает срокам. И потому вопросы становятся короче. Ответы — проще. Решения — резче.

Чем быстрее движется мир, тем меньше в нём места для сомнения. А сомнение — последнее убежище ответственности. Будущее больше не ждут. Оно наступает. Наступает раньше, чем его можно представить. Раньше, чем его можно захотеть или отвергнуть.

Оно происходит — как факт. И человек всё чаще просыпается внутри решений, которые уже приняты. Он живёт не в настоящем, а в постоянном догонянии. Догонянии обновлений. Догонянии норм. Догонянии требований. И в этом беге он всё реже задаёт вопрос: **кем я становлюсь?** Потому что скорость не оставляет времени для становления.

Она требует результата, а не пути.

Страх здесь — страх отстать. Отстать от темпа. От системы. От будущего, которое не спрашивает согласия. И потому человек бежит — даже когда не знает, куда. Бежит, потому что остановка кажется страшнее пустоты. Но именно в этой скорости медленно исчезает то, что не умеет спешить: способность быть человеком до того, как стать функцией.

Глава V — Земля

Земля долго молчала. Она не сопротивлялась. Не обвиняла. Не напоминала о себе.

Она принимала шаги, дороги, города, следы — как принимает всё, что на неё ложится.

Дом не разрушали. Его использовали. Не со злобой. Не с жадностью. С деловитостью.

Земля стала ресурсом раньше, чем стала раной. Её измерили. Разделили. Оценили.

Её начали считать по запасам, по объёму, по полезности. И в этом счёте не было ненависти. Было равнодушие.

Разрушение происходило без гнева, без ярости, без чувства вины. Как побочный эффект развития. Как неизбежное следствие роста. Как допустимая потеря. Человек больше не смотрел под ноги — он смотрел вперёд. А земля оставалась позади, как то, что уже пройдено, освоено, превзойдено. Дом перестал быть местом. Он стал платформой.

На нём можно строить. Через него можно прокладывать. Из него можно извлекать. Но нельзя было услышать. Предел существовал всегда. Он не возник внезапно. Он не появился из ни откуда. Его просто долго не слышали. Потому что предел не кричит.

Он накапливается. Он растёт медленно — в слоях, в трещинах, в истощении. Земля не мстит. Она не наказывает. Она перестаёт удерживать. И тогда рушится не она — рушится иллюзия, что всё можно продолжать бесконечно.

Страх здесь — страх утраты опоры. Но он приходит поздно. Тогда, когда дом уже перестал быть домом и стал временным убежищем в мире без почвы. Человек вдруг замечает, что стоит не на земле, а на результате расчёта. И этот расчёт не знает благодарности.

Земля не требует покаяния. Она не ждёт слов. Она просто ставит границу — не как приговор, а как факт. И в этом факте впервые появляется тишина другого рода.

Не туман. Не шум. А глухая пауза, в которой становится ясно: бегству больше некуда продолжаться, если некуда ставить ногу.

Глава VI — Память

Память не исчезла. Она перестала быть необходимой. Цивилизация помнит даты, но не удерживает смыслы. Хранит архивы, но не извлекает опыта. Прошлое аккуратно сложено. Оно каталогизировано. Оно доступно — но не прожито. Катастрофы фиксируются, но не осмысливаются. Ошибки регистрируются, но не становятся пределом.

История перестала быть учителем. Она стала фоном данных. Её можно пролистать. Можно процитировать. Можно использовать как аргумент — но не как предупреждение.

Память больше не формирует осторожность. Она не замедляет шаг. Она не заставляет останавливаться. Потому что скорость не терпит оглядывания.

Каждое новое поколение входит в мир, где всё уже объяснено — но почти ничто не прочувствовано.

Прошлое выглядит завершённым. Безопасным. Отделённым. Как будто оно не имеет отношения к настоящему моменту выбора.

Катастрофы кажутся частными. Ошибки — локальными. Трагедии — чужими. И потому они не становятся опытом.

Память требует тишины. А тишина слишком медленна. Гораздо проще обновить интерфейс, изменить термин, переписать контекст. Так повторение маскируется под новизну. Цивилизация идёт по кругу, но называет это прогрессом. И каждый раз она искренне удивляется, когда последствия возвращаются. Не как наказание — как

напоминание. Но напоминание уже некому услышать. Потому что память — это не хранилище. Это способ быть осторожным. А осторожность кажется признаком слабости в мире ускорения.

Так прошлое остаётся позади — не как груз, а как тень, которую не считают нужным учитывать. И именно здесь страх принимает новую форму. Это страх повторения — который не осознаётся. Страх снова прожить катастрофу, не узнав её. И потому цивилизация продолжает идти — несмотря на знаки, несмотря на следы, несмотря на уже пройденные пределы. Память не исчезла. Она оставлена без внимания. И в этом забвении будущее начинает формироваться не как замысел, а как тревога.

Глава VII — Будущее

Будущее больше не зовёт. Оно давит. О нём говорят постоянно, но почти никогда — с уверенностью. Оно уже не обещание. Оно — тревога. Будущее больше не воображают. Его рассчитывают. Сценарии, прогнозы, модели описывают то, что, возможно, произойдёт, но не отвечают на вопрос: зачем это должно случиться? Общий замысел исчез. Не потому, что был отвергнут, а потому, что его стало слишком трудно удерживать в мире множества скоростей и целей.

Каждый движется вперёд — но в разные стороны. Будущее складывается не как направление, а как сумма несовпадающих шагов. И потому оно пугает. Страх здесь — страх необратимости. Не того, что может случиться, а того, что уже запущено.

Технологии развиваются быстрее, чем формируется ответственность. Решения принимаются раньше, чем возникает согласие. Изменения происходят до того, как

появляется язык для их осмысления. Будущее наступает не как выбор, а как факт.

И человек всё чаще ощущает себя внутри процесса, который невозможно остановить, даже если он тревожит. Не потому, что нет силы, а потому, что нет точки, с которой можно было бы сказать: «достаточно». Отмена кажется невозможной. Возврат — бессмысленным. Замедление — опасным. И потому будущее уже не ждут с надеждой.

Его терпят. Как терпят надвигающуюся погоду. Как терпят диагноз, который ещё не подтверждён, но уже влияет на дыхание. Будущее больше не принадлежит человеку.

Он лишь старается не выпасть из него. И в этом старании теряется вопрос: **кем мы хотим быть — если время ещё позволяет выбирать?** Тревога становится формой ожидания. Ожидание — формой жизни. И чем дольше оно длится, тем ближе становится предел.

Глава VIII — Предел

Предел не выглядит как катастрофа. Он не обрывается. Не рушится. Не кричит.

Он приходит как внезапная ясность. Как мгновение, в котором движение продолжается, но смысл — задерживается. Это не конец пути. Это точка, где дальше можно идти только осознанно. Предел — не запрет. Не наказание. Не приговор. Это момент, когда становится ясно: продолжать так же — значит больше не выбирать. До этого момента всё казалось необходимым. Неизбежным. Продиктованным обстоятельствами. Но здесь впервые возникает пауза. Не техническая. Не вынужденная. Экзистенциальная. Цивилизация останавливается не потому, что не может идти дальше, а потому, что впервые видит себя в

собственном движении. Она вдруг замечает, что ускорение не тождественно развитию. Что контроль не равен ответственности. Что безопасность не всегда означает жизнь. Что будущее может быть построено — и при этом утрачено.

Предел — это зеркало без искажений. В нём видно не врагов, не угрозы, не ошибки прошлого, а собственный способ существования. Здесь нельзя обвинить систему.

Потому что система — это мы, растянутое во времени решение избегать вопроса.

Здесь нельзя спрятаться за необходимость. Потому что необходимость тоже имеет предел.

Предел — это возвращение возможности. Возможности сказать: **«Мы можем иначе».**

Не обязаны. Не гарантированно. Но можем. И в этом «можем» возникает страх нового рода. Не страх утраты. Не страх угрозы. Страх ответственности. Потому что предел возвращает выбор. А выбор требует присутствия. Здесь больше нельзя действовать автоматически. Нельзя ссылаться на скорость. Нельзя прикрываться будущим. Здесь нужно быть. Предел не обещает спасения. Он не даёт инструкций. Он не указывает путь.

Он лишь удерживает вопрос от окончательного исчезновения. И если цивилизация способна выдержать этот момент — не убежать, не ускориться, не замаскировать ясность шумом, — то появляется шанс. Не на победу. Не на исправление. А на человеческое продолжение. Предел — это не конец истории. Это место, где история может снова стать человеческой.

Глава IX — Вселенная

Вселенная не отвечает. Не потому, что не слышит, а потому, что не обязана.

Она не враждебна. И не равнодушна в человеческом смысле. Она просто — есть.

Без намерения. Без цели. Без объяснений. В её молчании нет упрёка. Нет обещания. Нет ожидания. Человек долго смотрел в небо, пытаясь увидеть в нём знак, смысл, подтверждение собственной значимости. Но чем дальше он смотрит, тем яснее становится: Вселенная может продолжиться без него. Галактики не остановятся. Время не замедлится. Пространство не заметит паузы. И в этом осознании нет трагедии. Есть освобождение от иллюзии исключительности. Человек — не центр. Не вершина. Не мера. Он — возможность, которая однажды возникла и может исчезнуть, не нарушив целого. Это знание не унижает. Оно возвращает скромность. Вселенная — безмолвное зеркало, в котором видно не то, какими мы себя воображаем, а то, кем мы стали. Она не требует, чтобы человек остался. Она не препятствует, чтобы он исчез. И потому вопрос о судьбе цивилизации впервые становится честным.

Не: что будет с миром без нас?

А: что будет с нами — если мир может быть без нас?

Страх здесь — последний. Не страх смерти. Не страх конца. Страх несущественности. И если его выдержать, если не закрыться пафосом, не спрятаться в величии, не заменить тишину шумом, — возникает новая ясность: быть человеком — не значит быть необходимым Вселенной.

Быть человеком — значит быть ответственным перед тем, что можно потерять.

И тогда остаётся последний шаг. Не вывод. Не итог. А вопрос, который нельзя адресовать системе.

Глава десятая — Вопрос

Тишина. Не космическая. Не философская. Человеческая. Адам-ата и Обо-эне сидят рядом. Не как первые. Как последние, кто ещё помнит, что значит слушать.

Они не спорят. Не учат. Не объясняют. Они смотрят не на мир — на нас.

Адам-ата говорит первым. Тихо:

— Мы думали, что страх защитит вас.

Обо-эне отвечает:

— Мы надеялись, что разум удержит. Молчание между ними дольше любых эпох.

Потом Адам-ата снова говорит:

— Вы научились считать быстрее, чем чувствовать.

— Вы научились побеждать, не зная, что защищаете,
— говорит Обо-эне.

Они не обвиняют. В их голосе нет упрёка. Только усталое удивление тем, как далеко можно уйти, не заметив, что уходишь от себя.

— Мы не спрашиваем, спасёте ли вы мир, — говорит Адам-ата.

— Мы спрашиваем, способны ли вы остановиться,
— говорит Обо-эне.

Пауза. И последний вопрос не звучит как приговор. Он звучит как обращение: **Способны ли вы стать человеком — как вид?** Не сильным. Не быстрым. Не бессмертным. А ответственным. Сознанием предел. Способным жить не по инерции, а по смыслу. Ответа нет. И это — не слабость текста. Это его условие. Потому что ответ впервые не может быть написан. Он может быть только прожит.

Природа человеческого бытия Уязвимость и ответственность

Перед самым разломом Адам-ата вдруг понял: всё, что связывало людей до этого, было лишь подготовкой —

не встречей, а приближением. Человек приходит в мир открытым.

Не защищённым смыслом, не оправданным именем, не прикрытым ролью. Его первая форма — уязвимость. Из неё рождается движение к другому, похожее на надежду.

Когда исчезает необходимость быть сильным, люди сближаются. Они узнают друг друга не по высоте, а по трещине. Так возникает тепло, похожее на близость. Но Адам-ата почувствовал: это тепло не ведёт. Оно удерживает. Там, где уязвимость становится общей опорой, она перестаёт быть вопросом. Совместная слабость превращается в убежище, где не нужно выбирать и отвечать. Люди остаются рядом, чтобы не идти дальше. Обо-эне молчала, но в этом молчании уже было знание: если слабость не требует ответа, она превращается в оправдание. А оправдание всегда останавливает.

Адам-ата понял: не всякое сближение есть встреча. Есть связи, которые сохраняют форму, жертвуя движением. Есть близость, в которой человек не один, но и не свободен.

И тогда возникло различие — тонкое, но необратимое. Уязвимость — начало. Но она не может быть основанием. Основанием может быть только ответственность. Ответственность не уничтожает слабость. Она лишает её права быть убежищем.

Она делает возможным быть рядом, не удерживая другого в прежнем. В ответственности исчезает совпадение и появляется путь. Люди больше не соединены тем, чего им не хватает, а тем, что они готовы нести. Адам-ата понял это как предел: дальше нельзя идти прежним образом. Уязвимость сделала встречу возможной. Ответственность потребовала выбора. После этого тишина изменилась. Она больше не утешала. Она спрашивала.

И именно с этого вопроса начиналось то, что уже нельзя было назвать прежней жизнью.

Экзистенциальный перелом

После этого вопроса мир не изменился. Изменилось то, как он в нём стоял.

Адам-ата заметил: он больше не ищет опоры в совпадении. Тепло, которое раньше удерживало рядом, теперь ощущалось как тяжесть. Не потому, что исчезло, а потому, что больше не было достаточным. Он понял: быть рядом — ещё не значит быть вместе.

Можно делить страх и оставаться разделёнными. Можно делить слабость и не делить путь.

Обо-эне смотрела на него так, словно видела впервые. Не потому, что он изменился внешне, а потому, что в нём появилось расстояние — не между ними, а между ним и прежним собой. Это расстояние не было бегством. Оно было отказом. Он больше не хотел, чтобы уязвимость объясняла его жизнь. Он перестал принимать тепло, за которое нужно было платить остановкой. Он не отрекался от слабости — он перестал прятаться в ней. Тишина между ними стала иной. Раньше она укрывала. Теперь — обязывала. Каждое слово в ней становилось поступком. Каждое молчание — выбором. Обо-эне сказала не сразу. Её голос не искал согласия. Он звучал как шаг, сделанный без оглядки:

— Если мы идём дальше, мы не сможем удерживать друг друга такими, какими привыкли быть.

Адам-ата понял: ответ уже был сделан. Он принял ответственность не как обещание, а как отказ от оправдания. Он согласился нести свою неполноту без свидетелей и без гарантий. Это было не мужество. И не сила. Это было согласие не прикрываться. Связь между ними не ослабла — она изменила форму. Они больше не

совпадали. Они шли рядом, не зная, совпадут ли дальше. И именно это оказалось первым подлинным соединением.

Мир остался тем же. Но теперь каждый шаг имел вес. Каждое «вместе» становилось выбором.

Адам-ата понял: раньше он искал близость, чтобы не быть один. Теперь он выбирал присутствие, даже если путь окажется одиноким.

Обо-эне шла рядом. Не удерживая. Не обещая. И в этом отсутствии гарантий было больше истины, чем во всех прежних совпадениях. Так завершилось то, что начиналось как сближение. И началось то, что можно назвать человеческим бытием.

Экзистенциальный эпилог

Утро пришло без знака. Не как начало и не как награда — просто как свет, который оказался на своём месте.

Адам-ата проснулся раньше. Не потому, что спешил, а потому, что сон больше не удерживал. Тело было тем же. Мир — тем же. Но в этом «том же» уже не было прежней тяжести. Он вышел наружу. Земля была холодной. Воздух — ясным. Ничего не требовало объяснения.

Обо-эне подошла позже. Они не поздоровались — в этом не было необходимости.

Их молчание больше не закрывало. Оно оставляло место. Между ними не было обещаний и не было утешений. Но было редкое равновесие, в котором никто никого не удерживает.

Они шли рядом. Иногда — на расстоянии. Иногда — почти касаясь. Не чтобы совпасть.

Чтобы идти. Свет ложился на вещи без выбора. Он не различал правых и виноватых, сильных и слабых. Он просто был.

Адам-ата подумал: раньше он искал в близости убежище. Теперь — ясность. И ясность не обещала покоя, но позволяла дышать.

Обо-эне остановилась. Посмотрела вдаль, не ища знака. Её взгляд не звал и не удерживал.

Они знали: дальше путь может разойтись. И это знание не разрушало присутствие.

В этом утре не было завершения. Но было согласие быть здесь — без оправдания и без страха. Свет оставался. Шаг продолжался. И этого оказалось достаточно.

Эпилог — Обращение

Адам-ата и Обо-эне не стоят. Они не на коленях. Они — в тишине, где нет жеста подчинения и нет просьбы о пощаде. Перед ними — не лицо, не голос, не трон. Перед ними — Закономерность. То, что не судит и не спасает. То, что не вмешивается и не отступает. То, что не выбирает — но позволяет быть. Абсолют не смотрит на них.

Он проходит сквозь. Как ритм. Как мера. Как неизбежность, в которой есть место и началу, и исчезновению. Адам-ата говорит первым. Не словами — переживанием.

Мы видели, как человек научился побеждать мир раньше, чем понял, зачем ему жить в нём.

Мы видели, как разум стал быстрее сердца, а сила — быстрее смысла. Скажи нам, Закономерность, это предел или лишь этап? Обо-эне не повторяет его слов. Её голос — как дрожание памяти. Мы чувствуем, как страх стал почвой, а контроль — формой веры.

Мы чувствуем, как человек больше боится остановки, чем исчезновения. Скажи, имеет ли человечество право продолжиться, если оно перестаёт быть человеческим? Абсолют не отвечает. Потому что он никогда не отвечает так, как ждут. И тогда приходит не ответ — а ясность. Человечество не уничтожается человеком ни ударом,

ни решением, ни ошибкой. Оно рассеивается. Когда человек дольше живёт в системе, чем в совести.

Когда скорость заменяет смысл. Когда страх становится оправданием. Когда ответственность делегируется времени. Абсолют не говорит: «Человечество должно быть». Он говорит иначе — без слов: Закономерность не нуждается ни в вас, ни в вашем исчезновении. Но если человек утратит способность быть вопросом — он утратит форму, в которой может продолжаться. Адам-ата и Обо-эне понимают. Быть или не быть человечеству не решается катастрофой. И не спасается чудом. Это решается каждый раз, когда человек выбирает: быть функцией или присутствием, скоростью или мерой, контролем или ответственностью. Абсолют остаётся тем же. Он не вмешается. Он не остановит. Он не ускорит. Он лишь примет тот исход, который станет следствием выбора. И в этой тишине Адам-ата и Обо-эне не просят сохранения. Они произносят последнее — не как мольбу, а как доверие: **Если человечество ещё может быть — пусть оно станет достойным собственного имени.** И тишина не размыкается. Она просто остаётся. Как открытое условие.

Авторское послесловие

О том, что и как написано.

О том, почему это было необходимо.

И о том, почему это — экзистенциальный роман.

Эта книга написана медленно.

Не потому, что ей не хватало событий, напряжения или внешней динамики, — а потому, что её предметом с самого начала было не событие. Её предмет — состояние. Среда. Та незаметная, но всеохватывающая атмосфера, в которой человек живёт, принимает решения, оправдывает собственные поступки и постепенно утрачивает способность задавать себе вопросы о смысле.

Мне было важно не описывать катастрофы, а вслушаться в то, что делает их возможными. Не зафиксировать крайние формы разрушения, а удержать внимание на том, что им предшествует: на фоне, на рутине, на привычке, на незаметных допущениях. На том, что воспринимается как «норма», но именно поэтому и становится опасным.

Поэтому эта книга сознательно избегает публицистического тона. Здесь нет обвинения, нет призыва, нет лозунга. Мир и без того переполнен громкими диагнозами, поспешными выводами и моральными декларациями. Мне хотелось другого — тишины, в которой можно рассмотреть происходящее не с позиции судьи, а с позиции свидетеля. Не того, кто знает ответы, а того, кто удерживает вопрос.

Книга выстроена как последовательное приближение. Она движется от фона — к контролю, от контроля — к войне, от войны — к скорости, от скорости — к земле, памяти, будущему, пределу, Вселенной. Это не логическая схема и не концептуальная модель. Это путь сознания, которое постепенно начинает замечать, где именно оно оказалось.

В каждой главе я намеренно избегаю деления на «хороших» и «плохих», на виновных и жертв. Мне было важно показать, как формы жизни складываются сами — без злобы, без намерения, без демонического умысла. Как контроль вырастает из заботы, скорость — из желания успеть, безопасность — из стремления защитить, а страх — из усталости перед неопределённостью. И как всё это, соединяясь, образует среду, в которой человек продолжает жить, почти не замечая, что постепенно перестаёт быть присутствием.

Почему эта книга была написана

Главный вопрос, который сопровождал меня во время работы над этой книгой, — не выживет ли цивили-

зация как система. Цивилизации в разных формах возникали и исчезали на протяжении всей истории.

Меня волнует другое: сохранится ли человек как человеческий.

Речь идёт не о биологическом существовании и не о технологическом прогрессе. Речь идёт о внутренней форме бытия: о способности к ответственности, совести, памяти, мере, сочувствию и смыслу. О том, что нельзя автоматизировать, ускорить или делегировать системе — и без чего человеческая реальность распадается, даже если внешне продолжает функционировать.

Меня тревожит не катастрофа как внезапность. Меня тревожит рассеивание. Медленное, почти незаметное исчезновение человеческого — не через взрыв и не через апокалипсис, а через удобство, привычку, рационализацию, спешку, безличность процедур.

В таком исчезновении нет злобы. В нём есть усталость и согласие. И именно поэтому оно особенно опасно: человек может утратить себя, не заметив самого момента утраты.

Эта книга не предсказывает конец света и не рисует картину гибели. Она фиксирует границу. Предел, который уже ощущается — пусть не всегда осознаётся.

Здесь нет апокалипсиса, потому что апокалипсис слишком легко превращается в зрелище, а зрелище снимает ответственность. Мне было важно удержать тишину, в которой становится ясно: вопрос уже поставлен самим ходом цивилизации, и от него невозможно уклониться.

Почему — роман?

Роман здесь выбран не как литературная традиция и не как жанровая условность, а как форма мышления.

Потому что именно роман, в отличие от философского трактата или аналитического эссе, способен удер-

живать противоречие, не снимая его, и движение смысла, не сводя его к формуле.

Роман не доказывает. Он проживает.

В трактате мысль стремится к завершённости: к определению, понятию, системе, выводу. Роман же разворачивает мысль во времени. В нём она сомневается, возвращается, утяжеляется, проходит через паузы, напряжения и пределы.

Это не путь к ответу. Это путь к вопросу.

Предмет этой книги — не идея и не теория. Это состояние бытия. А состояние нельзя доказать — его можно только показать, постепенно вводя в него читателя.

Роман позволяет сделать это без понятийного насилия и без принуждения к выводу, сохраняя свободу внутреннего участия.

Здесь есть драма — но не событийная, а онтологическая. Она разворачивается не между персонажами в привычном смысле, а между различными способами существования: между присутствием и функцией, ответственностью и делегированием, смыслом и скоростью, памятью и забвением.

Такое напряжение невозможно свести к аргументу. Оно требует пути, движения, постепенного приближения к пределу.

Роман также является формой целостности. Он способен удерживать в одном пространстве образ и размышление, паузу и слово, вопрос и молчание.

Эта книга выстроена именно так: каждая глава — не тезис и не доказательство, а шаг сознания, движение взгляда, изменение перспективы.

Наконец, роман втягивает читателя. Он не оставляет его внешним наблюдателем. Здесь нет позиции «автор объясняет — читатель усваивает». Есть совместное

пробывание в вопросе, который постепенно перестаёт быть абстрактным и начинает касаться самого способа жить.

Почему в романе присутствуют образы и персонажи

Хотя книга не строится на классическом сюжете, в ней сознательно присутствуют образы и персонажи.

Это не уступка художественной форме и не декоративный элемент. Это необходимость.

Экзистенциальный вопрос не может быть удержан в чисто абстрактном виде — он требует человеческого облика.

Адам-ата и Обо-эне — не персонажи реалистического повествования. У них нет биографии, психологической эволюции или сюжетной функции. Они не действуют — они присутствуют.

Их задача — удерживать человеческое измерение там, где язык цивилизации становится языком систем, процедур и скоростей.

Эти образы архетипичны. Они воплощают не прошлое и не миф в историческом смысле, а память о человеческом начале как таковом.

Через них в текст возвращается то, что невозможно выразить аналитически: уязвимость, ответственность, способность обращаться — не за ответом, а за смыслом.

Их диалог в финале — это не сцена, а предельная форма человеческого вопроса, обращённого к самой Закономерности бытия.

Наряду с ними в книге присутствуют и другие фигуры — иногда безымянные, иногда почти обезличенные: контроль, скорость, война, система, Вселенная.

Это тоже персонажи — но онтологические.

Они не индивидуальны, но через них говорит эпоха.

Роман здесь населяют не столько люди, сколько формы существования, которые обретают голос и образ.

Именно это сохраняет за текстом право называться романом.

Персонажи здесь — не носители авторских мнений и не иллюстрации идей. Они — точки сгущения смысла, через которые читатель вступает в со-проживание вопроса.

Почему это — экзистенциальный роман

Экзистенциальность здесь не связана с принадлежностью к определённой философской школе.

Это способ постановки вопроса.

Не «что происходит», а **«кем мы становимся, когда это происходит».**

Не «кто виноват», а **«что происходит с человеческим»**, когда страх становится средой, контроль — нормой, скорость — добродетелью, а ответственность — исключением.

Герой этого романа — не отдельный человек.

Герой — человечество как форма существования.

Драма этого романа — не в событиях, а в выборе: быть присутствием или функцией, быть мерой или скоростью, быть вопросом или алгоритмом.

Роман разворачивается как путь от тумана к пределу, от предела — к безмолвию Вселенной, а затем — к обращению, которое не требует ответа, но требует честности.

Я называю эту книгу экзистенциальным романом, написанным в форме философского размышления, потому что она не стремится развлечь, убедить или поучать.

Она стремится удержать вопрос там, где его обычно стремятся снять.

Форма размышления здесь — не стилистический приём, а условие верности предмету.

***

Вместо вывода

В конце этой книги нет ответа.

И это не недостаток.

Ответ невозможно написать. Его невозможно получить извне.

Его можно только прожить — выбором, ответственностью, мерой, возвращением к человеческому внутри собственного времени. Если эта книга оставляет тяжесть, значит, она достигла цели. Не тяжесть отчаяния, а тяжесть ясности. Потому что ясность — это тоже форма надежды. Тихой. Непафосной. Не обещающей. И всё же — единственной, которая не обманывает.

СОДЕРЖАНИЕ

	Авторская ремарка.....	3
	Пролог.....	4
ЧАСТЬ I.	ТУМАН.....	7
Гл. 1.	До слова.....	7
Гл. 2.	Имя.....	9
Гл. 3.	Взгляд.....	10
Гл. 4.	Плод.....	12
Гл. 5.	Знание.....	14
Гл. 6.	Стыд.....	16
Гл. 7.	Ответ.....	17
Гл. 8.	Уход.....	19
Гл. 9.	Память.....	20
Гл. 10	Переход.....	21
ЧАСТЬ II.	СТРАЖИ.....	22
Гл. 1.	Свидетели.....	22
Гл. 2.	Имена.....	26
Гл. 3.	Присутствие.....	28
Гл. 4.	Скорость.....	31
Гл.5	Слово.....	33
Гл.6.	Ответственность.....	35
ЧАСТЬ III.	БЕГ.....	37
Гл. 1.	Вина.....	37
Гл. 2.	Стыд.....	40
Гл.3.	След.....	42
Гл. 4.	Тишина.....	44
Гл.5.	Размышление свидетелей.....	46
	Финал части III.	48
ЧАСТЬ IV.	СТРАХ.....	49
Гл. 1.	Фон.....	49
Гл. 2.	Контроль.....	51
Гл.3.	Война.....	53
Гл. 4.	Скорость.....	54
Гл.5.	Земля.....	55
Гл.6.	Память.....	57

АДАМ-АТА И ОБО-ЭНЕ

Гл.7.	Будущее.....	58
Гл. 8.	Предел.....	59
Гл. 9.	Вселенная.....	60
Гл.10.	Вопрос.....	62
	Экзистенциальный перелом.....	64
	Экзистенциальный эпилог.....	65
	Эпилог - Обращение.....	66
	Авторское послесловие.....	67

А. Бекбоев (Аскар Абдыкадыр)

АДАМ-АТА и ОБО-ЭНЕ

Подписано в печать 2026
Бумага офсет., тираж 300экз.
Формат 21x14,8/16, объем 4,7 п.л. «Times New Roman»
ОсОО Солюшин